

ISSN 0032-874X

ПРИРОДА

3 16

Почему Петр I собирал уродов?

А.Б.Радзюн, М.В.Хартанович

Музей антропологии и этнографии им.Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург

Музей антропологии и этнографии им.Петра Великого Российской академии наук (МАЭ РАН) — наследник и преемник первого российского государственного музея. Кунсткамера была основана Петром I в 1714 г. Из ее собраний в современном музее сохраняются коллекции, отражающие историю комплексного научного изучения человека: как его биологической истории (анатомические, антропологические), так и духовной и материальной культуры (археологические, этнографические). Исторические анатомические коллекции — собрание голландского анатома Фредерика Рюйша (1638—1731) с частью препаратов, имеющих анатомические отклонения от нормы, и российская коллекция препаратов человека и животных с врожденными пороками развития — по сей день порождают интерес широкой аудитории и противоречивые мнения.

Нередко слышится вопрос: «Зачем Петр I собирал монстров?». Попытаемся рассмотреть мировоззренческую среду, в которой родилась вроде бы непонятная затея, воспринимаемая нашими современниками нередко просто как «музей монстров».

Такое превратное впечатление подпитывается обрывочными сведениями о том, что царь издал указ о собирании диковинок. Что же на самом деле повелел Петр I? 13 февраля 1718 г. были изданы именные указы «О приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей во всех городах к Губернаторам и Комендантам, о даче за принос оных награждения и о штрафе за утайку» и «О порядке выдачи награждений за приносимых уродов»*.

Рассмотрим этот указ внимательно. Большая его часть посвящена сбору существ с анатомическими отклонениями от нормы, рождающихся как у человека, так и у животных. В других странах их давно собирали и показывали публике как диковинки. В указе сказано, что в таком большом государстве как Россия, верно, рождалось немало таких существ, но невежды их утаивали, думая, что они рождаются от козней дьявола, из-за порчи,

ведовства. Столь подробное разъяснение отношения к монстрам обычно и приводило к заблуждению, что на этом указ и заканчивается и посвящен он исключительно этим редким существам.

Но, оказывается, собирать надо было не только монстров. В указе сказано: «Также ежели кто найдет в земле, или в воде какие старые вещи, а именно: камня необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным, также какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое

Портрет Петра I. Гравюра Х.А.Вортмана по оригиналу И.Г.Таннауэра, 1714 г. Из фондов МАЭ РАН.

* Полное собрание законов Российской Империи. Т.V. СПб., 1830. С.541—542. Ст.3159, 3160.

Музей антропологии и этнографии им.Петра Великого (Кунсткамера) РАН на Васильевском острове в Санкт-Петербурге.

и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно». Таким образом, следовало собирать и передавать государству не только редких и необычных животных и людей с отклонениями в строении тела, но и предметы, относящиеся к областям исследования современных зоологии, палеонтологии, минералогии, археологии, этнографии. Так было положено начало комплексному сбору коллекций как по естественной, так и гражданской истории. Все они выставлялись в Кунсткамере, вошедшей в 1724 г. по указу Петра I в состав Императорской академии наук.

Идея создания открытого для публики собрания, представлявшего как удивительные творения природы, так и искусные произведения мастерства человека, была воспринята царем во время визита в страны Западной Европы в составе Великого посольства в 1697—1698 гг. Петр был первым российским царем, посетившим европейские страны. Наряду с важными дипломатическими задачами, которые должно было решить посольство, молодой царь интересовался и постигал все, что казалось ему полезным и важным.

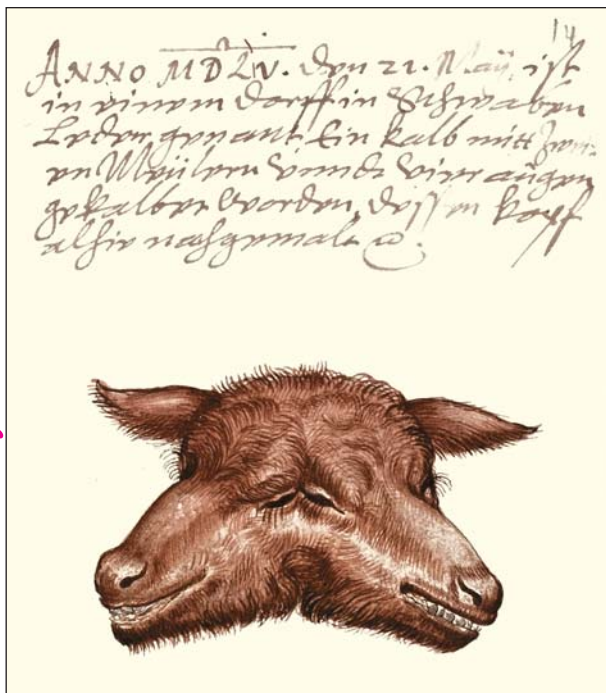
Первоначальное представление о жизни на Западе юный царь получил благодаря западноевропейским гравюрам, «Курантам» — сборникам переводов на русский язык вестей из европейских газет, а также благодаря общению с европейскими врачами, офицерами, мастерами, жившими в Немецкой слободе в Москве.

Можно предположить, что Петр был наслышан о заграничных собраниях редкостей. По всей вероятности, ему было знакомо иллюстрированное собрание известий (издававшееся на немецком языке и на латыни) о необычных природных яв-

лениях и о рождении монстров, датируемое концом XVI — первой четвертью XVII в. (ныне оно хранится в Библиотеке РАН). В библиотеке Аптекарского приказа в Москве можно было найти описание кунсткамеры датского анатома Оле Ворма, привезенное в Россию в 1656 г. Робертом Биньяном, аптекарем царя Алексея Михайловича [2, с.150—151, 248].

Приехав в Европу, Петр I жаждал узнать все не по рассказам, а по собственным впечатлениям. Представим себе чувства и побуждения 25-летнего русского царя, впервые попавшего в Европу, охваченную верой в мощь собственного разума, силу научного осмысления действительности и жаждой знаний о неведомом мире, который предстал перед ней в результате великих географических открытий. Европейцы открывали не только новые материи и острова, но и природу самого человека. Обыватели и вельможи хорошо знали о прозе мертвой плоти, ее гниению и разложении. Но умелые анатомы, создавая искусные препараты, показывали широкой публике удивительную логику и эстетику внутреннего строения человека, пытались описывать закономерности здорового развития и причины, ему мешающие. Изумляла не только анатомическая правильность, но и нарушения ее — изредка рождавшиеся на свет двухголовые младенцы и такие же детеныши животных. Эти редкие и необычные создания природы изучались и описывались учеными, которые пытались найти объяснения появлению уродливых существ.

В Европе Петр I увидел многочисленные галереи, кабинеты и кунсткамеры, хозяева которых собирали разные объекты природы и искусства,

Теленок с удвоением головы, родившийся в 1554 г. Рисунок из иллюстрированного собрания известных о необычных природных явлениях и о рождении монстров (название книги и автор не указаны), датируемого концом XVI — первой четвертью XVII в. (Библиотека РАН. Шифр О №179. Л.14).

Составление астрологического прогноза во время родов («De conceptu et Generatione Hominis... operaclarissimi viri Iacobi Rueffi, chirurgic Tigurini... Francfurti ad Maenum», 1587. P.3).

воспроизводящие в своей совокупности весь мир в миниатюре. Венценосные коллекционеры соревновались между собой, стараясь заполучить в свои коллекции не только драгоценные, диковинные, редкие предметы, но и редкостных, необычных людей: карликов и великанов, а также уродливых детенышей животных и скелеты двухголовых младенцев. Мог ли молодой человек, приехавший из страны, где ничего такого не видел, остаться глух и равнодушен к этой всеобщей европейской моде? Конечно, нет.

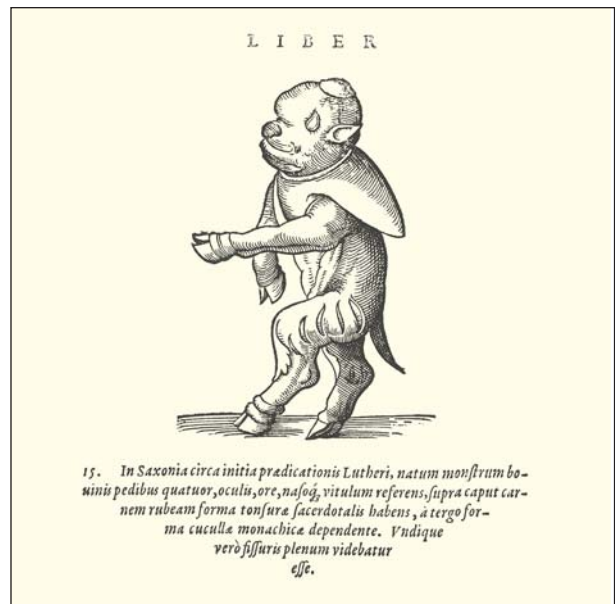
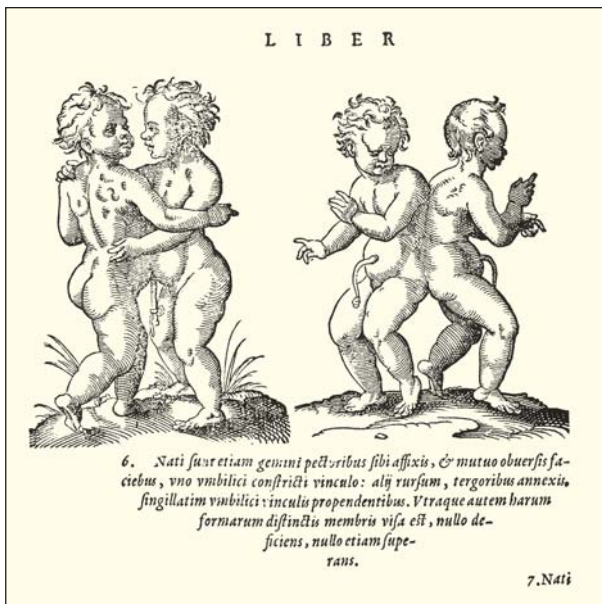
Откуда же в Европе такой давний интерес к монстрам, почему здесь не скрывают их появление на свет, почему, наоборот, о них пишут, делают их зарисовки, заказывают живописные портреты карликов и великанов, демонстрируют в своих коллекциях наряду с диковинными предметами из Старого и Нового Света? Остановимся на основных моментах восприятия этих созданий в странах Европы.

Рождение существ, отличающихся своим анатомическим строением от обычных, издавна вызывало интерес у самых разных людей: и у обывателей, и у носителей знаний. Появление на свет монстров толковали астрологи, описывали и пытались объяснить медики. Пожалуй, самое широкое толкование рождения монстров в те времена относилось к области астрологии, ее пророчеств и предзнаменований.

Письменные свидетельства и толкования появления на свет младенцев с врожденными пороками развития содержатся уже в астрологических клинописных текстах на глиняных табличках, хранившихся в библиотеке ассирийского царя Ашурбанипала (годы правления 669—633 до н.э.) в Ниневии (сегодня это территория Ирака). Среди множества этих табличек найдены две, дающие перечень 62 врожденных уродств, каждое из которых имело свое значение при составлении прогнозов. Халдейские астрологи воспринимали такие уродства как воздействие комбинаций звезд и наряду с другими астрономическими явлениями учитывали их в составлении астрологических предсказаний. К примеру, рождение близнецов, соединенных в области спины, предвещало, что боги покинут страну, а король и его сын оставят город [3, с.6—7].

Практика составления астрологических прогнозов позже распространилась и на другие страны и народы. Само слово «монстр» отразило древнее понимание рождения живого существа с пороками развития как проявление божественного участия. В работах древнеримского политика, оратора, писателя Марка Туллия Цицерона обозначение существа с врожденными пороками развития словом «монстр» непосредственно связывается с демонстрацией воли богов*. Напомним, что в латинском языке monstrum означает знамение, предзнаменование, чудо, чудовище, а также невероятная

* Цицерон. Философские трактаты. М., 1985. С.226.

Двойниковые уродства и «монах-теленк» («De conceptu et Generatione Hominis...». P.41, 44).

вещь, урод*. Само же слово *monstrum* происходит от глагола *monere* — предостерегать**.

Христианская культура, воспринявшая богатые традиции Античности, продолжила трактовать рождение монстров как божественное предостережение или наказание за греховное поведение. Их появление на свет воспринималось так же, как появление кометы на небесном своде, наводнение или землетрясение.

XVI и XVII вв. считаются «золотым веком» монстров в Центральной и Западной Европе [3, p.11]. Сообщения об их рождении печатались в популярной массовой литературе того времени: памфлетах, листовках, балладах, книгах-сборниках чудес и пророчеств.

Своего рода «двигателем» массового интереса к монстрам были и религиозные конфликты времен Реформации [3, p.23]. Самый яркий и распространенный пример — опубликованный в 1523 г. памфлет Мартина Лютера и Филиппа Меланхтона — деятелей Реформации в Германии. В нем растолковывалось появление «двух ужасающих фигур: папского осла из Рима и монаха-теленка из Фрайбурга, найденного в Мейсене». Памфлет содержит две гравюры монстров: на первой изображен «папский осел», выловленный в Тибре в Риме в 1496 г., на второй — «монах-теленк», родившийся неподалеку от Фрайбурга. Оба монстра были представлены как знаки божьего гнева на папство, как обличители пороков римской церкви и знамение скорого падения папства [4, p.13].

Но в монстрах видели и знаки умиротворения войн и распрей. Французский философ-гуманист

Мишель де Монтень (1533—1592) в раздумьях о человеке в эссе «Опыты» обращается к встрече с уродливым годовалым ребенком, чьи родственники собирали подаяние. В области грудной клетки этот бедолага был соединен с безголовым ребенком, который как бы стремился обнять своего брата***. Монтень, вслед за пророчествами древних мудрецов, предполагал, что «это двойное тело, имевшее отдельные члены и заканчивавшееся одной головой» могло быть для короля Франции Карла IX благоприятным предзнаменованием, сулившим объединение провинций и городов Франции, раздираемых религиозными войнами, под эгидой короля. Монтень не останавливается на толковании пророчества, а размышляет о природе появления на свет необычных существ. Он предполагал, что те, кого принято среди обывателей называть уродами, не являются таковыми для Бога, создающего невероятное многообразие форм. Возможно, «удивляющая нас форма» относится к виду существ, неизвестному человеку. Божественный разум не может порождать ошибки. Человеку не дано понять порядок и соотношение божественных творений****.

*** Встречаются различные степени соединения двойниковых близнецов. В данном случае одна из индивидуальных частей пары значительно отличается по размерам и развитию от другой и становится как бы ее паразитическим придатком. Один из близнецов может быть вполне нормален, а другой сформирован частично. Этот вид уродства обозначается как несимметричные сросшиеся близнецы. У описанного Монтенем паразитического индивидуума отсутствует голова, он меньшего размера и может существовать только за счет другого близнеца.

**** Монтень М. Об одном уродце // Монтень М. Опыты. Т.1. М., 1979. С.632—633.

* Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С.647.

** Concise Oxford English Dictionary. Oxford, 2011. P.927.

Каким было отношение натуралистов прежних времен к рождению монстров? Главным авторитетом на протяжении более тысячи лет признавались трактаты Аристотеля (384—322 до н.э.). Одно из направлений его размышлений — вопрос о зародышевом развитии организмов. Задавшись целью проследить подобное развитие, ученый писал: «Если брать яйца из-под наседки ежедневно, начиная со второго дня насиживания, до того момента, когда вылупится цыпленок, и разбивать их, то... можно видеть все, что я описываю, вплоть до возможности сравнивать птицу с человеком». Идея о сходстве путей эмбриогенеза у животных и человека всецело принадлежит именно Аристотелю [5, с.83—84]. Великий естествоиспытатель также хорошо разбирался в образовании уродов и объяснял их по-разному: то задержкой некоторых стадий эмбрионального развития, то условиями питания зародыша, то возвратом к признакам предков.

В эпоху Возрождения первым трудом о монстрах, где была проведена попытка представить их и с точки зрения медицины, стал трактат «Des monsters et prodiges» («О монстрах и чудесах») известного французского хирурга, одного из отцов современной хирургии Амбруаза Паре (1510—1590).

Основная часть его книги посвящена причинам рождения монстров среди людей. Данные собраны автором из разных трудов, в том числе античных, проведена классификация монстров согласно причинам их появления на свет. Среди причин, вызывающих уродства, на первое и второе места автор ставит славу и гнев Господень. За ними следуют причины натуралистического характера: избыток или недостаток семени, его качество, впечатлительность матери, размер утробы и механические воздействия на нее, наследственность или случайные болезни. Завершают список причин махинации попросаек и козни демонов и дьявола [6]. Отметим, что хотя Паре и ставил монстров вне природных явлений, сам факт их классификации и систематизации одним из крупных хирургов эпохи Возрождения свидетельствует о начале публичного и популярного обсуждения этих существ с точки зрения медицины и изучения зарождения жизни.

Первой настоящей попыткой системного рассмотрения врожденных пороков развития человека и животных признается трактат «De monstrorum caussis, natura, et differentiis» («Причины, природа и различия монстров») итальянского врача, философа, логика, профессора теоретической медицины Университета Падуи Фортуньо Лицети (1577—1657), опубликованный в 1616 г. Если в работе Паре монстры определялись как существа сверхъестественные, то Лицети считал их существами земного порядка, изумляющими в первую очередь неправильностью формы членов, но рожденными в результате некой заминки в процессах творения. Он приходит к выводам, что монстры появляются тогда, когда природа допускает ошибку, грех же не может быть причиной их рождения. Монстры не могут предсказывать будущее, они удивляют мир только своей редкостью [7, p.49].

Как пример преодоления заблуждений в причинах рождения монстров приведем следующее замечание Лицети в отношении существ, чье появление на свет приписывали соитию человека с животным. Уродливые части их тела, по его мнению, лишь напоминают схожие части тела животных, например сросшиеся пальцы рук или ног напоминают лапки гуся. Поэтому эти создания ошибочно воспринимаются как люди-животные, но по своей природе они — люди [7, p.49].

Работа Лицети показывает переход к рассмотрению естественного происхождения монстров, к поиску и нахождению причин не в сфере влияния небесных сил, а в действиях природы, встречающей в процессе творения препятствия, которые заставляют ее идти в созидании живого существа не по главному, а по второстепенному плану. Такое рассуждение было продолжено английским медиком, физиологом, эмбриологом Уильямом Гарвеем (1578—1657), принявшим решение перейти после изучения кровообращения к рассмотрению проблемы формирования животных. Он начал изучать развитие куриных эмбрионов. Гарвей вынес на обсуждение мысль Аристотеля, что уродливые цыплята появляются из яиц с двумя желтками. Этот факт очень важен, по-

Спиртовой препарат неравномерно развитых близнецов. Санкт-Петербург, конец XVIII — начало XIX в.

Из фондов МАЭ РАН

тому что Гарвей возобновляет забытую на два тысячелетия идею о том, что причины уродств надо искать не в суевериях и надуманных спекуляциях, а в экспериментальных исследованиях, что он сам с успехом и делал. Став в 1631 г. лейб-медиком английского короля Карла I, заядлого охотника, он получил разрешение препарировать убитых на охоте самок благородного оленя. Гарвею удалось месяц за месяцем следить за развитием эмбрионов. Ученый обобщил результаты многолетних исследований, касающихся развития позвоночных и беспозвоночных животных, в своем трактате «О зарождении животных» (1651). Впервые процесс индивидуального развития рассмотрен им с точки зрения эпигенеза — теории о постепенном и последовательном новообразовании органов и частей зародыша — в противовес преобладающей тогда точке зрения преформистов, отрицавших развитие и допускавших лишь рост преобразованного зародыша. Гарвей выступил против теории самопроизвольного зарождения, выдвинув принцип: «Все живое из яйца» [8, с.133].

Размышления о причинах зарождения монстров в результате нарушений эмбриологических процессов стали частью нового философского понимания, частью новых методов, которые позволяли ученым Нового времени получать достоверные знания. Объективное знание боролось со средневековым догматическим, предубежденным сознанием. Авторитет древних был подвергнут сомнению, умозрительная и кабинетно-книжная наука отвергнута с презрением, доказательства следовало искать с помощью логических рассуждений и достоверных фактов [9, р.133].

В XVII в. прагматически ориентированное познание природы перешло от рассуждений на тему «зачем?» к поискам ответов на вопрос «почему?», т.е. к изучению причин природных явлений. Так, известный французский философ и математик Рене Декарт (1596—1650) видел задачу науки в том, чтобы не просто описывать законы природы, но находить причины какого-либо явления [10, с.155]. Критерием истины стала очевидность. Мыслитель предлагал проверять любое знание разумом, отказываясь от суждений принятых на веру.

Избежать заблуждений и неверных заключений в естествознании помогает, по мнению английского мыслителя Фрэнсиса Бэкона (1561—1626), описание как случаев нормального хода некоего явления, так и случаев отклонений от нормы. Это позволило бы выявить признаки и причины, сопровождающие некое явление, либо отсутствующие в нем. Исходя из частных случаев, можно составить общее правило. В работе «Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы», опубликованной в 1620 г., Бэкон предлагал описывать природу по трем направлениям: область обычных явлений; область отклонений; история искусств, т.е. история механики и технических изобретений [10, с.144].

В центре изучения второй области были «уклонения природы, уродства и диковины, когда природа отклоняется и удаляется от своего обычного хода». Исследование отклонений освобождает разум от привычных суждений и сложившихся мнений и показывает общие законы. Отметим, что причину отклонений Бэкон видел не в заранее заданной форме, а в скрытом процессе, приведшем к такой форме. Знание причин отклонений, по его мнению, способствовало бы более тщательному описанию нормального хода природы. Подчеркнем, что Бэкон рекомендовал создать собрание или «частную естественную историю диковин и чудесных порождений природы — словом всякой новизны, редкости и необычности в природе»*, ведь без серии примеров невозможно прийти к достоверному, проверяемому выводу.

Описание явления природы с точки зрения нормы и исключения, предложенное Бэконом, было активно воспринято научными сообществами. Монстры уже не считались неким обособленным, самостоятельным случаем, а служили контрпримером для описания нормы. Например, члены Французской академии наук, основанной в Париже в 1666 г., рассматривали случаи врожденных пороков уже в системе сравнительно-анатомических исследований.

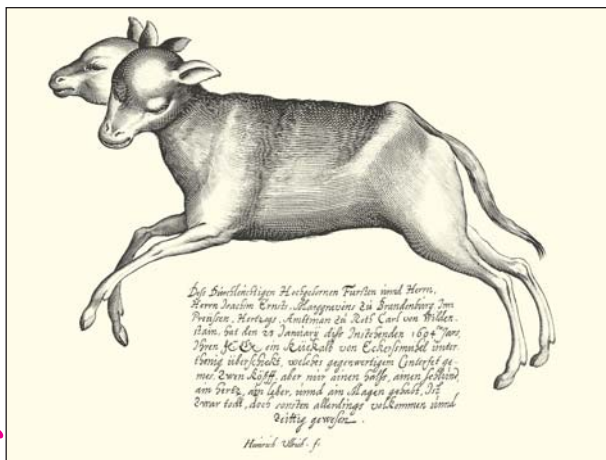
Секретарь этой академии и сторонник сравнительной анатомии Бернар Ле Бовье де Фон-

Детский скелет с двумя головами. Препарат анатома Фр.Рюйша. Амстердам, конец XVII — начало XVIII в.

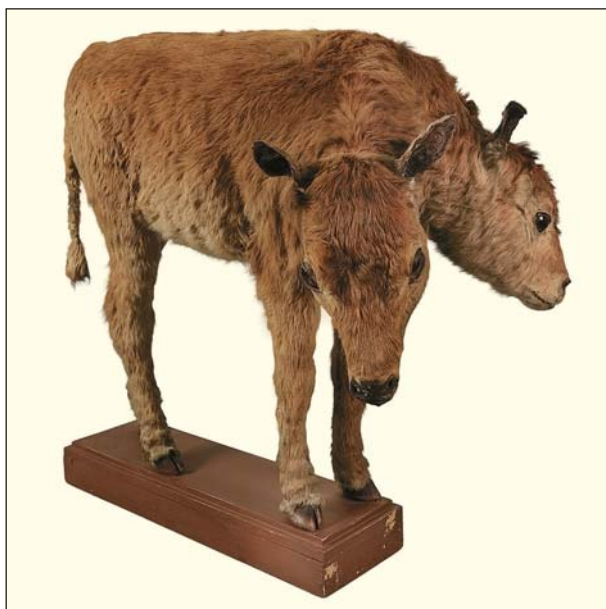
Из фондов МАЭ РАН

* Бэкон Ф. Сочинения: В 2-х т. Т.2. М., 1972. С.137—138.

Двухголовый олененок, обнаруженный в Пруссии в 1604 г. Рисунок из иллюстрированного собрания известий о необычных природных явлениях и о рождении монстров (Библиотека РАН. Шифр О №179. Л.72).

тель (1657—1757) считал монстров частью незбылемой природы без неправильностей. Описывая уродливый плод ягненка без головы, грудной клетки, позвоночника, он писал в «Трудах Французской академии наук» в 1703 г.: «Обычно монстры считаются шуткой природы, но философы убеждены, что природа не шутит, что она незбылемо следует правилам, а все ее работы равнозначно серьезны. Среди них могут быть необычные, но не ошибочные; нередко самые необычные дают возможность обнаружить общие правила, вмещающие в себя всех их» [11, p.38].

Тучело двухголового теленка. Санкт-Петербург, конец XVIII — начало XIX в.

Из фондов МАЭ РАН

Вопрос о причинах появления на свет монстров обсуждался как с точки зрения анатомии развития, так и с позиций теософии. Диспуты о том, предобразованы ли Богом уродливые зародыши для демонстрации Божественного могущества и созидательной фантазии или изначально нормальный зародыш стал жертвой случайного повреждения в процессе развития, продолжались еще не одно десятилетие XVIII в.

Ко времени появления в России государственного интереса к сбору редкостей, в том числе и в области анатомии, представления западноевропейских ученых о причинах рождения монстров находились в рамках следующих четырех умозаключений.

Во-первых, монстры, рождающиеся как у человека, так и у животных, это часть природы, а не сверхъестественные явления. Как и всеми природными явлениями, ими руководит воля бога, но отнюдь не дьявольский промысел.

Во-вторых, с одной стороны, рождение монстров может иметь свои природные причины, обусловленные неким сбоем в созидательном акте природы. Но с другой, они могут быть изначально созданы таковыми богом, который проявляет этим свободу и изобретательность творения.

В-третьих, рождение монстров, как и прочие другие редкие природные явления, изучают и классифицируют ученые. Это способствует изучению явлений, относящихся к норме, и дополняет картину мира. Исследование исключений делает наше восприятие острее, очищает его от догм и привычных суждений, мнений, навязываемых авторитетами в своей области.

И в-четвертых, следует составлять коллекции, представляющие редкости природы, накапливать различные случаи необычных творений для выявления правил и законов созидательного процесса природы.

Таким образом, продолжая сложившуюся в зарубежных странах Европы традицию, Петр I предпринял меры по созданию в России первого естественнонаучного музея, Кунсткамеры, как центра накопления, изучения и популяризации достоверной информации об окружающем природном мире. Как уже было сказано выше, для объективного описания явления следовало учитывать и самые редкие и необычные природные формы.

Какие же редкости видели первые посетители Кунсткамеры, оставившие свои впечатления в мемуарах*? Анатомические препараты, сделанные столь искусно, что выглядели «как живые». Эмбриологические препараты, показывающие все стадии развития зародыша человека, начиная с его первых недель. Препараты мозга, костей, крове-

* См., например: Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 году // Русская старина. 1879. Т.25. С.263—290; Дневник камер-юнкера Ф.В.Берхгольца. 1721—1725 // Неистовый реформатор. М., 2000. С.105—460.

носных сосудов, как бы «наполненных живой кровью». Здесь демонстрировались уродливые младенцы, сохраняемые в спирте, и живые монстры, жившие при Кунсткамере, а также множество редких, экзотических рыб, змей, птиц и животных «в склянках», огромные кости древних слонов (мамонтов), куски янтаря, в том числе с вкраплением насекомых, старинные монеты и медали. Безусловно, первые дорогие и экзотические коллекции были куплены Петром I у зарубежных собирателей, но современники событий уже отмечали влияние царского указа на состав собрания редкостей Кунсткамеры. Член свиты герцога Фридриха Голштинского камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольд, побывавший в Петербурге в 1721 г., подчеркивал в дневнике роль царского указа, «повелевающего [отсылать] в Петербург со всего государства все неестественное и неизвестное в каком бы то ни было роде. Губернаторам предписано точно исполнять его под страхом тяжкого наказания. Вот почему здесь набрано такое множество предметов по части естественной истории и самых разнообразных уродов» [12, с.38].

Отвечая на вопрос, почему же столько внимания в царском указе 1718 г. было уделено именно монстрам, представим, что царь желал видеть в России богатые, разнообразные коллекции, служащие основанием для разрешения многих вопросов науки. Рождение младенца с врожденными пороками развития — это нечастое, трагическое

событие, которое особенно не афишировали. Царский же указ и денежное вознаграждение способствовали передаче как аномально развитых, необычных младенцев человека, так и детенышей животных для анатомического изучения и демонстрации в публичном музее, а также для популяризации объективного толкования явлений природы с позиций современного на тот момент научного знания.

Как и анатомы европейских научных обществ, анатомы Петербургской академии наук и Кунсткамеры в XVIII в. тщательно фиксировали, описывали и публиковали свои размышления о случаях уродств. Хотя уже упоминавшийся выше секретарь Французской академии наук Фонтенель и характеризовал историю монстров как нескончаемую и весьма туманную, основатель науки об уродствах — тератологии, французский зоолог Исидор Жоффруа Сент-Илер (1805—1861) дал высокую оценку работам XVIII в., в результате которых возросло понимание важности обследований и было собрано большое количество фактов, сопровождавшихся точным, достоверным описанием [9, p.318].

Таким образом, упомянутый в начале статьи указ Петра I заложил основу сбора и сохранению материала, представляющего разнообразие окружающего мира. Коллекции не только показывались в Кунсткамере, но и служили для исследований и развития научных направлений. ■

Литература

1. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. XIX—XX века. Вып. II: XIX—XX века. М.; Л., 1958.
2. *Warkany J.* Congenital malformations in the past // *Problems of Birth Defects: From Hippocrates to Thalidomide an After.* Lancaster, 1977. P.5—17.
3. *Bates A.W.* Emblematic monsters: unnatural conceptions and deformed births in early modern Europe. Amsterdam; N.Y., 2005.
4. *Hendrix S.H.* Martin Luther: Visionary Reformer. Yale, 2015.
5. *Лункевич В.В.* От Гераклита до Дарвина. Т.1. М.; Л., 1936.
6. *Pare A.* On Monsters and Marvels. Chicago, 1982.
7. *Bates A.W.* The De Monstrorum of Fortunio Liceti: a landmark of descriptive teratology // *J. of Medical Biography.* 2001. V.9. P.49—54.
8. *Райков Б.Е.* Карл Бэр, его жизнь и труды. М.; Л. 1961.
9. *Roger J.* The Life Science in Eighteenth-Century French Thought. Stanford, 1998.
10. *Гайденко П.П.* История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М., 2011.
11. *Daston L.* Preternatural philosophy // *Biographies of Scientific Objects.* Chicago; L., 2000. P.15—41.
12. *Летопись Кунсткамеры. 1714—1836 / Авт.-сост. М.Ф.Хартанович, М.В.Хартанович. Отв. ред. Н.П.Копанева, Ю.К.Чистов. СПб., 2014.*